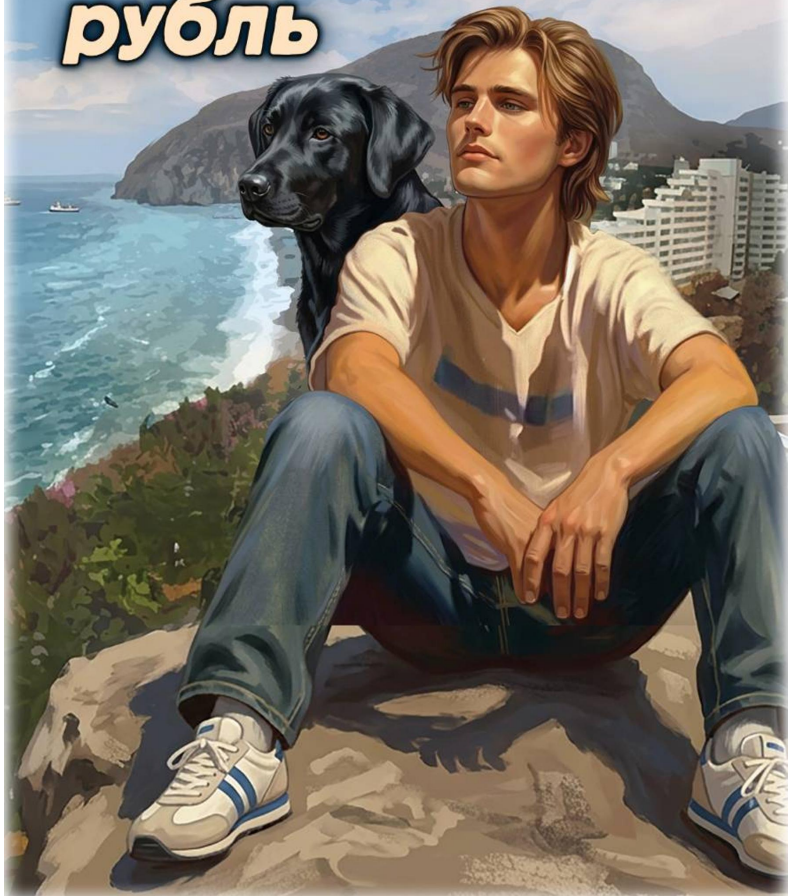

Алекс Бакай

**Неразменный
рубль**

Алекс Бакай

Неразменный рубль

<https://litres.ru/56309285>

SelfPub; 2026

Аннотация

1984 год — последний перед перестройкой. Десятиклассник Саня Латышев приехал на море с мамой и ищет друзей, но неожиданно сталкивается с силой, «что вечно хочет зла и вечно совершает благо»...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Алекс Бакай

Неразменный рубль

В умилении сердечном
Прославляя истукан,
Люди разных каст и стран
Пляшут в круге бесконечном,
Окружая пьедестал...¹

Забежав на минутку домой, Саня Латышев снял с полки коллекционную банку из-под «Хейнекен» и, оглядываясь на дверь, зубами открыл бутылку «Жигулевского». Мама должна была вернуться с минуты на минуту, и объясняться с ней было некогда. А она бы точно потребовала объяснений, ей не понять, что в его возрасте пить пиво – это нормально, а не пить пива – ненормально. В зеленую, чуть помятую банку влезло две трети бутылки, и остальное пришлось допить – залпом, из горлышка. Латышев не очень любил пиво, но «Жигулевское» – моча ослиная, а не пиво. Он вытащил из тайника, устроенного на дне чемодана, пачку «Мальборо» и сунул в задний карман джинсов (индийских, но с вранглеровской нашлепкой). К его глубокому сожалению, на пачке вместо «Made in...» красовалось «Табачная фабрика им. Урицкого. Ленинград». Поехали бы они в Геленджик, как

¹ Ж. Барбье и М. Карре, перевод П.И. Калашникова.

всегда, – он бы знал, где достать настоящие «Мальборо», а здесь, во Фрунзенском, все было для него чужим.

Мама каждый год возила Саню на море, иногда на все каникулы, – считала, что в Петрозаводске для ребенка слишком мало солнца. Она была учительницей начальных классов, а на лето устраивалась работать в службу какого-нибудь приморского санатория или дома отдыха: за это и денег платили побольше, и «ребенок» мог безо всяких путевок загорать и купаться. В этом году (последнем перед поступлением в институт) в Геленджике у мамы что-то не срослось, и они поехали в Крым: подруга помогла ей устроиться в «Айвазовское» посудомойкой.

Латышева здесь раздражало все. В Геленджике они снимали комнату в маленьком частном домике, с террасой, увитой виноградом – на ней он спал, – а здесь жили в панельной многоэтажке, которая днем раскалялась, словно сковорода. И спать Латышеву приходилось на лоджии. В Геленджике остались его друзья, связи – и девушка со странным именем Марта, которой он так ни разу и не написал за всю зиму. Здесь вместо загадочной и молчаливой Марты на одной лоджии с ним жила прозаичная и разговорчивая Наташка. Лоджия была поделена надвое ширмой, а Наташка с отцом снимали соседнюю комнату. Ее отец тоже работал в «Айвазовском», физруком: водил на терренкур одышливых чиновничьих жен и учил играть в теннис их детей.

Латышев скомкал в кулаке этикетку «Жигулевского» и

поставил бутылку в угол, где их набралось не меньше десятка. Мама не сомневалась, что это из-под лимонада. Ему оставалось только незаметно выскользнуть из квартиры, но дверь открылась навстречу: не успел.

– Санька, я ужин принесла, – мама сунула ему в руку увесистую сетку (он не ожидал, что это будет так тяжело, и едва не уронил ее на пол). – И черешни тебе купила.

– Я не буду ужинать, – он поставил сетку на стул. – Мне бежать надо, я опаздываю.

– Куда? – улыбнулась мама.

– Тебе-то что? Надо мне.

– А в руке у тебя что?

– Ничего! – он протиснулся мимо нее к двери, стараясь не дышать. – Я ушел, приду поздно.

– Саня! Что значит «поздно»?

– Часов в двенадцать, – Латышев хотел поскорей проскользнуть через прихожую, но лицом к лицу столкнулся с физруком. Как тут тесно! В Геленджике он уходил из дома, перепрыгнув перила террасы. С десятого этажа через перила лоджии не уйдешь...

Физрук, вдохнув запах пивного перегара, демонстративно помахал ладонью перед лицом. Латышев же едва не расплескал пиво из драгоценной банки.

– Все пьешь? – угрюмо спросил физрук.

– А ваше какое дело? – огрызнулся Латышев.

– Саня! Ты как разговариваешь? – Мама тоже вылезла в

тесную прихожую. – И что у тебя в руке?

– Ничего, сказал же!

– Пиво у него в руке, импортное, – хмыкнул физрук.

– Саня! А ну-ка вернись!

Они не понимают! Они не понимают, что никто не будет его ждать! И что в той компании, в которой он собрался провести вечер, другого пива не пьют! Не носят индийских джинсов и не курят «Мальборо» фабрики Урицкого! В Геленджике ему ничего доказывать не приходилось, там все давно его знали.

Физрук свернул в кухню, чтобы не мешать.

– Где ты это взял? – мама брезгливо указала на «Хейнекен».

– Нашел!

– Саня, ты что, фарцуешь?.. – мама схватилась за дверной косяк, как будто собиралась упасть в обморок.

– Ерунду не говори.

Где слово-то это услышала? Саня не фарцевал – так, подфарцовывал, и не здесь, а в Петрозаводске. Одна нашлепка «Вранглера» обошлась ему в пятьдесят рублей, откуда бы он их, интересно, взял, если бы не заработал?

– Ма, это просто банка. Ты же сама ее мне и принесла на прошлой неделе, – смягчился он.

Мама знала, что он собирает банки из-под импортного пива, и частенько приносила их из «Айвазовского».

– Да? Вот уж не думала, что они нужны тебе, чтобы раз-

гуливать по улицам!

– А что в этом плохого? – Латышев прикусил язык: сейчас начнется политинформация о системе ценностей! И физрук тоже вставит несколько слов, он всегда суется не в свое дело. «Тот, кто носит Адидас, скоро родину предаст»! Можно подумать, те, кого он учит играть в теннис, носят джинсы фирмы «Салют»! И попробовал бы их кто-нибудь обвинить в нарушении морального кодекса строителя коммунизма...

– Что плохого? Тебе не кажется, что это низко? – мама сложила губы бантиком. Она все время забывала, что она не на уроке и он не третьеклассник.

– Низко? – взорвался Латышев. – Низко, значит? А быть здесь сыном посудомойки, значит, высоко?

Мама побелела, лицо ее стало вдруг каким-то растерянным и глупым, рот приоткрылся, но она так и не нашла, что сказать. А вообще-то она за словом в карман не лезла.

Зато физрук нашелся быстро: Латышев опомниться не успел, как оказался прижатым к вешалке и слегка придушенным собственным воротником. Банка «Хейнекен» плеснула на стенку «Жигулевским», и по обоям вниз побежали мокрые дорожки.

– Ах ты щенок! Тебе кто позволил мать свою оскорблять? Тварь неблагодарная! Она как проклятая на тебя горбатится, ты на руки ей посмотри!

– Руки уберите, – поморщился Латышев. – Сами какой пример дочке подаете? Скоро жена ваша приедет, будете в

своей комнате ночевать, а не в нашей.

Признаться, он думал, что физрук его ударит, и тогда можно будет ему ответить. Но тот брезгливо скривил губы, оттолкнул Латышева, выпуская его воротник, и выплюнул ему в лицо:

– Какая же ты дрянь...

Латышев скроил гордую мину, сделал вид, что утерся, и толкнул дверь на лестницу плечом. И, поворачиваясь, заметил слезы у мамы на щеках. Черт дернул физрука сунуться! Он бы и сам догадался извиниться. Ну, сорвалось! Наболело!

Латышев скатился на один пролет, к лифту, и с остервенением ударил по прожженной красной кнопке. И едва не забыл припрятанную за батареей бутылку массандровского портвейна.

Из распахнутых окон первого этажа на всю Партенитскую улицу разносилась «Феличита»: итальянцы захлебывались от счастья. Какое, к черту, счастье? Настроение было испорчено на весь вечер. Латышев расстегнул две верхних пуговицы на рубашке, приподнял воротник (мама терпеть не могла расстегнутых пуговиц, ей было не понять, что это модно, что рубашки все так носят) и небрежно глотнул «Жигулевского». Он бы и закурил, но «Мальборо» поберег, все же рубль пятьдесят... В кармане звенела мелочь и приятно шуршала трешка – на всякий случай, – и он решил, что на остановке купит «Родопи», просто покурить, без выпендрона.

С Наташкой он столкнулся на повороте – она, взлохмаченная и запыхавшаяся, вприпрыжку поднималась в горку. Наверное, тоже торопилась.

– Привет, – выдохнула она и подставила ладошку, чтобы Латышев по ней хлопнул, – они так здоровались.

Наташка с отцом приехали во Фрунзенское на два дня раньше Латышевых, и сначала она шипела и фыркала, узнав, что Саня тоже будет спать на лоджии. Но уступать не собиралась, так же как и он. А почему, собственно, он должен был уступить? Если ей что-то не нравится, пусть сама спит в духотище! А как Латышев хохотал, когда она заявила:

– Только попробуй подглядывать! Глаза выцарапаю!

Она была младше его на год, переходила в девятый класс – что с нее взять? Латышев ответил, что он не в детском саду и Наташка сдалась ему сто лет. Тем более что ничего интересного в ней не было (еще бы, при таком папаше!) – одеваться она не умела, красилась тушью-плевательницей и только по праздникам, не курила и не разбиралась в музыке.

Но потом они подружились. Именно подружились. И если в первые ночи демонстративно ложились ногами друг к другу (хоть и через ширму, а все же...), то потом, чтобы удобней и тише болтать по ночам, наоборот, поворачивались друг к другу головами. И однажды ночью решили, что будут братом и сестрой, чтобы раз и навсегда определиться в отношениях: брату с сестрой незачем спать на одной лоджии. Чтобы закрепить их братский союз, Наташка отдала Латышеву свою

серебряную цепочку, а он ей – часы, подаренные отцом.

Это она уговорила его прочитать «Мастера и Маргариту» – напечатанную на машинке и сшитую суровыми нитками, – до этого Латышеву не случалось брать в руки самиздат. Книга эта окрасила отдых совсем другими цветами: и жара теперь напоминала Патриаршие пруды, и в лунном свете мерещились незнакомые силуэты; Латышев даже съездил в Ялту, чтобы своими глазами взглянуть на тот волнорез, на котором очнулся Степа Лиходеев.

– Привет, сестренка, – ответил он.

– Ты в «Крым» не идешь?

– Что я там забыл?

– Там «Танцор диско» сегодня. Билетов, говорят, уже не осталось.

Латышев презрительно поморщился: индийские фильмы – это для женщин и детей.

– Ничего себе! Откуда у тебя такое пиво? – Наташка наконец заметила банку у него в руке.

– Да так, – Латышев равнодушно пожал плечами.

– Дай глоточек, а?

– Зачем тебе? – он усмехнулся сверху вниз.

– Должна же я знать, каково на вкус импортное пиво.

– Держи, – он протянул ей банку.

Наташка неумело отхлебнула глоток, поморщилась, но тут же сделала понимающее лицо:

– Здрóво! На самом деле гораздо лучше нашего.

Латышев согласно кивнул – не смеяться же. Неизвестно еще, кто из них смешней. Мамины слова о том, что это низко, вдруг не показались ему пустым звуком. Глупо это все. Глупо и унижительно. В Геленджике все было по-другому!

Они распрощались с Наташкой до вечера, и Латышев двинулся к остановке. Ничего. Это ненадолго. Все утрясется – это только поначалу трудно вписаться в новую компанию. Это встречают по одежке.

Однако за две недели, прожитые во Фрунзенском, ему пока не удалось прибиться ни к одной компании. Латышев успокаивал себя тем, что сезон еще не в разгаре – конец июня. С местными гопниками он был на ножах с первого же дня, и хотя они признали его за равного, он сам не очень-то стремился с ними сходитья. Они плевались как верблюды, и смеялись как козодой².

Ничего больше не оставалось, как сидеть на пляже с загадочным и невозмутимым лицом, делая вид, что тебе ни до кого нет дела.

И вот вчера ему наконец повезло: в стороне от поселкового пляжа, на камнях, он познакомился с ребятами из «Айвазовского», вместе с которыми таскал из моря рапаны и мидии. Плавал Латышев как дельфин и нырнуть мог глубже многих, даже без ласт. Не было ничего удивительного в том, что вечером его позвали на костер, жарить набранные ми-

² Майк Науменко. «Гопники»: «Кто плюется как верблюд, кто смеется как козодой?»

дии. Там-то Латышев и положил глаз на девчонку по имени Кристина (куда уж до нее Наташке, даже смешно, честное слово!), и она тоже не скрывала своего к Латышеву интереса. Вообще-то он умел нравиться девчонкам.

Сегодня ловили крабов (на этот раз он был в маске и ластах), а вечером собирались на сейшн – у одного из ребят отца срочно вызвали на работу, а мать поехала провожать его в Симферополь, так что номер был свободен до утра.

– Фи, это что, какая-то местная бормотуха? – поморщившись, спросила Кристина, когда Латышев выставил на стол портвейн.

– Дура, это «Массандра», на экспорт идет, – пояснил ей Виталик. – В Москве такого вообще не достать.

Латышев еле заметно усмехнулся: зачем Виталику разбираться в «Массандре»? Ему из-под полы ею не торговать, ему папа денег сколько надо отстегнет. Экспортная «Массандра» подороже «Наполеона» может стоять, а это так, в магазине куплена... В прошлом году в Геленджике Латышев сам клеил «экспортные» этикетки на бутылки с магазинной «Массандрой».

В двухкомнатный номер набилось человек двадцать, на столике возле холодильника не умещались бутылки и пивные банки. Икры и крабов, конечно, не было, но колбаску покрошили сырокопченую, и кореечку свиную нарезали, и балычок осетровый – правда, холодного копчения.

– Москву вашу скоро переименуют, слышали? – спросил Латышев, хлебнув «Жигулевского» из банки.

– Как это «переименуют»? – вытаращилась на него Кристина. – С ума сошел?

– Серьезно, – усмехнулся Латышев. – В Константинополь.

– Не, не может быть, – скептически покачал головой Виталик.

– Почему именно в Константинополь? – Кристина сделала умное лицо.

– Как почему? Третий Рим. А чтобы отличать ее от настоящего Константинополя, добавляют «Усть»³.

Виталик заржал и, отсмеявшись, побежал рассказывать новый анекдот в соседнюю комнату, где играл магнитофон.

– Дай пивка хлебнуть, – попросила Кристина и потянулась к банке «Хейнекен».

– Может, тебе еще жвачки дать пожевать? – Латышев отодвинул банку в сторону. – Пойдем лучше покурим.

– У тебя есть?

– «Мальборо», но совковое, – Латышев не сомневался, что эта девочка отличит настоящие «Мальборо» от подделки.

Перед выходом на лоджию он допил «Жигулевское» и, смяв банку в руке, кинул ее в мусорку, стоявшую под столом.

– Зачем смял? Мы их уборщице отдаем, у нее сын собира-

³ В 1984 году Генеральным секретарем ЦК КПСС был Константин Устинович Черненко.

ет, – Кристина засмеялась нежным, переливчатым смехом. Совсем не злым, но смех этот задел больней прямого оскорбления, и Латышев похолодел: быть сыном посудомойки ничуть не лучше, чем сыном уборщицы.

– Я их тоже собираю, – с вызовом ответил он Кристине. – Но «Хейнекен» у меня уже есть.

В «Айвазовском» было не так отвратительно душно, как в поселке: снизу на лоджию поднимались пряные запахи моря и южной зелени, а не выхлопных газов и оплавленного за день асфальта. И все равно: и пахло тут не так, как в Геленджике, и цикады не скрипели, и земля под ногами была другая, и в горах росли совсем не те деревья.

– Смотри, на горе огонек горит, – Кристина показала на спину каменного медведя, выступавшую из-за мыса.

– Это кто-то богиню Деву вызывает, – раздался голос от балконной двери, и Латышев поморщился – он рассчитывал побыть с Кристиной вдвоем.

Та оглянулась.

– Какую богиню Деву?

– На горе раньше было святилище главной таврской богини. – У перил остановился парнишка в сером отглаженном костюме. – Никто не знает, как ее называли тавры, а греки называли ее Парфенос, то есть просто «девушка». Кстати, и Фрунзенское до войны Партенитом называлось. По представлениям тавров, Дева была богиней-матерью, что-то вроде Кали или Астарты, но греки почитали ее как Ифигению,

жрицу Артемиды.

Латышев посмотрел на парня сверху вниз. Интересно, почему он без очков? Обычно так мудрено изъясняются очкарики. Впрочем, человек со стрелками на брюках ничем не хуже очкарика.

– А зачем ее вызывают? – спросила Кристина.

– А зачем вызывают Пиковую даму или Кровавую Мэри? – парнишка обезоруживающе улыбнулся и взглянул на Кристину. – Только богиню Деву вызывать интересней. Нужна кровавая жертва, разожженные костры, каменный алтарь. Если Дева явится на зов, то исполнит любое желание.

– Здорово! – Кристина всплеснула руками. – Завтра пойдем и попробуем!

– Делать нечего? – Латышев смерил ее взглядом.

– Может, ты боишься? – рассмеялась она.

– А чего, собственно, бояться? Волков или медведей? – он усмехнулся.

– Здесь нет ни волков, ни медведей, ни даже сколько-нибудь опасных змей, – с умным видом сказал парнишка в костюме. – Но подниматься на гору ночью рискованно. А кроме того, подступы к святилищу охраняют духи древних тавров. Между прочим, они украшали его черепами чужеземцев.

– О-о-о! – протянула Кристина. – Саня, признайся, ты боишься духов древних тавров!

– Глупости это, – поморщился Латышев. – Если хочешь, пойдем прямо сейчас.

– Сейчас там уже кто-то есть, это неинтересно, – отмахнулась Кристина. – Сегодня можно вызвать Кровавую Мэри или Пиковую даму.

– А зачем? – Латышев сделал скучающее лицо: вызов духов требует интимной обстановки, и этим стоит воспользоваться, только надо не переиграть, делая вид, что отказываешься.

– Действительно, зачем? – улыбнулся парнишка в костюме. – Пиковая дама – это для детей, повизжать в темноте. Всем мерещатся шаги за дверью и тени в глубине зеркала, а практического смысла в этом нет. Я бы предложил вызвать пропащего беса.

Латышев хотел сказать, что парнишку никто не приглашает, но Кристина заинтересовалась:

– А кто такой пропащий бес?

– Толком на этот вопрос ответить трудно. Пропащий бес много опасней Пиковой дамы, но вызывают его не просто так. В обмен на убитую черную собаку он может дать неразменный рубль. Но если на собаке будет хоть одно белое пятнышко, пропащий бес заберет твою душу, а неразменного рубля не даст.

– Саня, не хочешь получить неразменный рубль? – приснула Кристина.

– Зачем он мне?

– Разбогатеешь.

– Неразменную сотню я бы хотел, а рубль? Это сколько же

спичечных коробков надо купить, чтобы собрать на «жигули»? И где прятать столько мелочи?

Парнишка в костюме собирался потихоньку улизнуть с лоджии, но Кристина его окликнула:

– Эй, погоди! А как его вызывают-то?

– Очень просто, – с готовностью пояснил тот, – почти как Пиковую даму. Нужны два больших стоящих друг напротив друга зеркала. Как обычно, в полночь надо зажечь две свечи и кровью нарисовать на одном из зеркал дверь. А потом сказать три раза: «Бес пропащий, выходи». Он выйдет и заберет черную собаку.

Парнишка снова направился к выходу, но в дверях остановился и добавил:

– Кстати, в вестибюле на первом этаже два зеркала как раз стоят друг против друга...

Латышев щелчком отправил окурок на клумбу под окном.

– Саня, я хочу увидеть пропащего беса, – капризно и твердо заявила Кристина.

– Интересно, где я среди ночи найду черную собаку? – хмыкнул Латышев. Рыскать по всему поселку в темноте в поисках черной собаки? И только ради того, чтобы в полночь оказаться наедине с девушкой? В гулком вестибюле, куда в любую минуту может кто-нибудь войти?

– Главное, чтобы на собаке не было ни одного белого пятна. А то заберет пропащий бес твою душу, а неразменного рубля не даст, – она рассмеялась.

– Почему мою? Может, твою.

– Мне неразменный рубль не нужен. И собак убивать я не собираюсь, – фыркнула она, поводя плечом.

– Мне тоже не нужен неразменный рубль, – усмехнулся Латышев.

Шутки шутками, а из-за этого парня со стрелками на брюках он упустил подходящий момент для решительного поцелуя.

– Хорошо. Отложим на завтра, – постановила Кристина.
– За день ничего не стоит найти собаку, здесь их полно.

Она уверенно направилась обратно в номер. Ух ты! Раскомандовалась! Латышев усмехнулся снова, теперь уже своим мыслям. Интересно, кто из них сильнее хочет оказаться в полночь наедине?

Сейшн прошел в пьяном угаре и сигаретном дыму, под музыку Scotch, а закончился на берегу моря незадолго до полуночи. И Латышеву почему-то было очень любопытно, что будет пить парень в костюме и как он в этом наряде будет танцевать. Но сколько ни искал его глазами в полутемном номере, так и не увидел. И даже спросил о странном госте у Виталика, но тот покрутил пальцем у виска и ответил:

– В каком костюме? Ты пьяный, что ли? У нас таких чокнутых нет.

– Сам ты пьяный, – хмыкнул хозяин номера. – Не понял, что ли? Не знаешь, кто на югах костюмы носит?

– А кто? – вытаращился на него Виталик.

Хозяин номера посмотрел на него как на убогого:

– Анекдот про Константинополь ты рассказывал?

– Это я рассказывал, – с достоинством сказал Латышев.

– И что?

– Тогда это по твою душу, – с жалостью кивнул хозяин номера.

– Так сразу и по душу? – усмехнулся Латышев.

– Душу у него завтра заберет пропащий бес, – засмеялась

Кристина, подхватывая Латышева под руку и увлекая в сторону. – Если на черной собаке будут белые пятнышки.

Ночное купание немного прочистило мозги, и к дому Латышев подходил только слегка пошатываясь – не столько от вина, сколько от того, что слишком много и глубоко нырял. «Мальборо» кончились, но в кармане оставалась предусмотрительно купленная пачка «Родопи». Латышев собирался покурить перед сном, но не обнаружил в кармане спичек. Улицы были пустынные, и только припозднившаяся (и немолодая) парочка под руку шагала от «Крыма» к «Айвазовскому».

– Прикурить не будет? – вежливо спросил Латышев.

– Рано тебе еще прикуривать, – презрительно смерив его взглядом, ответил мужчина.

Такой же правильный, как физрук! Латышев ничего не ответил, сплюнул и пошел своей дорогой. Прикурить ему дал местный гопник, толкавший в горку мотоцикл.

А на скамейке у подъезда Латышев неожиданно наткнулся на Наташку. Ему показалось, что она плачет, но он ошибся – просто глаза у нее были несчастными.

– Ты чего тут сидишь? – спросил он, глубоко затаиваясь, и присел рядом.

– Сижу, – она неопределенно дернула плечом.

– Как «Танцор диско»?

– Нормально.

– Покурить не хочешь?

Она сначала замотала головой, а потом, подумав немного, ответила:

– А давай. Мне хуже не будет.

Она не умела курить: сначала закашлялась, а потом набирала дым в рот и тут же выдыхала его тонкой струйкой.

– Мой папа говорит, что целовать курящую женщину все равно, что целовать пепельницу, – произнесла она мрачно.

– Твой папа... – начал Латышев сквозь зубы, но не стал продолжать.

– Да, я знаю, он ничего не понимает. Я уже заметила, что курящих девушек целуют все, а вот некурящих... Вот и сегодня. Парень пришел в кино со мной, а ушел с этой Татьяной. Я сама виновата, ты не думай. Он, когда кино началось, лапать меня стал. Не нагло, потихоньку так. А я ему по щеке дала... Наверное, не надо было?

Почему-то Латышев не поставил себя на место незадачливого ухажера. Может, Наташка и впрямь стала ему как сест-

ра?

– Хочешь, я ему в грызло дам? Чтоб не лапал?

– Нет, не надо. Дело же не в этом. Мне папа всегда говорил, что мужчины любят гордых женщин, а на самом деле выходит, что это не так.

Латышев не знал, что ей ответить. Он не думал о любви, в девчонках его интересовало не это. Вот Кристина тоже была по-своему гордой. Нет. Не гордой – она была ломакой. А это совсем другое.

– Да он просто идиот.

– Кто? Папа?

– Нет, этот твой, который в кино, – ответил Латышев и подумал, что папаша ее идиот ничуть не меньший.

– Разве? – в Наташкином голосе послышалась обида.

– Конечно. Ему не любовь нужна, не ты, а любая честная давалка. Плюнь.

– Я не знаю, что ему нужно. Но я не нужна никому. Понимаешь? Я никому не нужна!

«Сейчас она разревется», – подумал Латышев.

Но Наташка не разревелась. Наоборот, решительно выбросила в урну наполовину выкуренную сигарету.

– Слушай, Сань... Ты только не пойми меня неправильно. Ты не мог бы меня поцеловать? Понимаешь, меня никто никогда в жизни не целовал. Я такая... такая... дура. Я даже целоваться не умею, а мне уже пятнадцать.

Латышев затаился и не ответил. И поцеловал ее потом,

на лестничной площадке перед лифтом, в лучах лунного света.

На следующее утро он и думать забыл о пропащем бесе и черной собаке. Мама, как всегда, оставила ему завтрак на столе: творожную запеканку со сгущенкой и бутерброд с сыром. И два билета в кино со штампом «Айвазовского» – сегодня «Танцор диско» шел там. Латышев поморщился. Именно сегодня он собирался посмотреть «Три дня Кондора» в «Крыме».

Наташка как-то незаметно проскользнула в ванную, а потом так же незаметно вышла из квартиры – Латышев услышал, как шелкнул замок. Хотя они проболтали всю ночь, и стесняться ей, в общем-то, было нечего.

Латышев тоже собирался недолго, раздумывая: идти на камни или на пляж «Айвазовского»?

Жара стояла невозможная, хотя и было всего часов одиннадцать. Взвесив все за и против, он свернул-таки к поселковому пляжу, рассудив, что гораздо эффективней выплыть к «Айвазовскому» из моря, чем притащиться туда пешком. А в лапах это ничего не стоило.

В переулке, ведущем к морю, солнце било в глаза, и Латышев не сразу увидел собаку, лежавшую в тени пятиэтажки. Но когда увидел, тут же вспомнил о пропащем бесе: собака была совершенно черной, без единого белого пятнышка. И Латышев решил было, что она дохлая, – валялась на боку,

протянув ноги, и не дышала. Он подошел поближе, рассматривая песью морду. Мерзкая была собака: лохматая, со свалявшейся шерстью, отливавшей рыжиной (прямо сказать – не вороново крыло); глаза ее гноились, а из приоткрытой пасти торчал желтый клык. Собака была жива, просто дрыхла без задних ног.

Изловить ее, конечно, ничего не стоило, хватило бы ванильного сухарика, завалявшегося в кармане. Но как ее убить? Ударить камнем по голове? Или перерезать горло? Или задушить? Нет ничего невозможного для человека с интеллектом. Латышеву случалось убивать крыс и лягушек, но собак... Он подумал немного и решил изловить собаку на обратном пути. А еще лучше – поближе к вечеру. Куда ее, дохлую, девать до ночи? Вонять же начнет.

А Кристина не преминула напомнить о черной собаке. Латышев долго прятался за волнорезом, чтобы подплыть к ней под водой и схватить за щиколотку. Как она визжала! А потом орала и очень натурально молотила его руками по голове.

– Придурок! Кретин! Что за идиотские шутки! У меня тушь потекла!

– Она же водостойкая! – хохотал Латышев. Он неплохо разбирался в косметике, потому что снабжал ею одноклассниц.

И уже на берегу, придирчиво разглядывая в зеркальце ланкомовской пудреницы свою физиономию, Кристина ска-

зала:

– После этого ты просто обязан найти черную собаку.

– Почему это обязан? – Латышев скосил на нее глаза.

– Потому что иначе я никогда тебе этой выходки не прощу.

– Да и не прощай! – он рассмеялся.

Латышев бы и дальше сидел на пляже, но вскоре к Кристине подошли ребята: Виталик и парень, с которым Латышев впервые столкнулся вчера на сейшене. Виталик Латышеву нравился – нормальный был человек, на других сверху вниз не смотрел, папашей своим никому в нос не тыкал. Да и не принято это было здесь, как с удивлением отметил Латышев.

А вот товарищ Виталика, Денис (или, как он себя называл, – Дэнис), изображал крутого не в меру. Он тоже про папашу своего помалкивал, но Латышеву уже кто-то шепнул, что отец Дэниса – директор мелкой швейной фабрики в Москве, а вовсе не партийный бонза, зато денег у него столько, что он может все «Айвазовское» купить, а не только достать путевку жене с сыном.

Дэнис тащил в руках двухкассетный «панасоник», из которого на весь пляж неслась Kalimba De Luna. Этого альбома Латышев переписать еще не успел и Виталика попросил бы об одолжении с легкостью, но просить о чем-то Дэниса посчитал недостойным.

– Привет, – Латышев оглянулся и помахал рукой.

Дэнис только поморщился, а Виталик ответил:

– Наше вам. Ты с ластами?

Латышев кивнул.

– Вот и славно. – Дэнис поставил магнитофон на гальку и потер руки. – Мидий наловить можешь?

– А самому что, слабо? – Латышев смерил его взглядом.

– Я заплачú.

– Чего заплаатишь? – не понял Латышев.

– Денег, денег, чего же еще! – Дэнис противно захихикал.

– Мне лень самому в воду лезть, а ты, говорят, хорошо ныряешь.

Латышев долго соображал, что в этом предложении оскорбительного, но оскорбление почувствовал сразу. Ему приходилось зарабатывать, зазорным он это не считал, но выглядело это не так. Не был бы Дэнис его ровесником, Латышев бы просто отказался. А тут кровь бросилась в голову, стоило представить себе, как он, будто раб на плантации, будет доставать мидии для этого хлыща! Что-то вроде «Марш в воду, жаба».

Латышев долго подбирал слова для достойного ответа, но ничего, кроме старых анекдотов, в голову не приходило.

– У меня сейчас месячник культурного обслуживания, – наконец проскрипел он сквозь зубы. – Так что я иду на х..., а ты за мной. След в след.

Виталик снова заржал – он как никто воздавал должное юмору Латышева. Может быть, если бы он не смеялся, Дэнис

не принял бы ответ так близко к сердцу.

– Знаешь, парень... – начал он, сузив глаза, – меня так просто на х... никто не посылал.

– Тебя и в этот раз послали не просто так, а очень даже изящно, – рассмеялась Кристина.

– И что? – Латышев посмотрел на него снизу вверх (потому что сидел). – Заплатишь кому-нибудь, чтобы дали мне в пятак, а то самому лень руки марать?

– Да мне и платить никому не придется, сейчас вызову охрану, и тебя отсюда вышвырнут. Здесь порядочные люди отдыхают, и нечего тут делать кухаркиным детям. Может, у тебя вши, а ты с нами в одном море купаешься.

«Кухаркины дети» резанули больно, гораздо больнее вшей.

– Фи, Дэнис, – скривила губки Кристина. – Море общее, ты его пока не купил.

– А вот сейчас проверим, – Дэнис убавил громкость магнитофона и повернулся к морю. – Виктор Семенович!

Латышев вздрогнул и посмотрел туда же: в окружении стайки ребятишек младшего школьного возраста по колению в воде стоял физрук.

– Виктор Семенович, можно вас на минутку? – Дэнис поманил физрука пальцем. И тот, выгнав детей из воды, пошел!

– Да, Денис. Что случилось?

– Тут посторонний на пляже, – Дэнис кивнул на Латышева. – Это нарушение санитарных правил.

– Да, – едко вставил Латышев, глядя на растерянное лицо физрука, – меня подозревают в педикулезе.

Очень хотелось добавить про «кухаркиных детей» и посмотреть, станет физрук хватать Дэниса за грудки или нет. А физрук долго думал, прежде чем ответить. И на его лице совесть и неприязнь к Дэнису боролись со служебными обязанностями и неприязнью к Латышеву.

– Денис, у этого парня есть справка, он проходил медосмотр. Я это знаю совершенно точно.

Латышев действительно проходил медосмотр, потому что перед отъездом мама не знала, удастся устроить его в столовую «Айвазовского» или нет. Не удалось. Слишком крутая столовая оказалась для кухаркиных детей.

– И что? Теперь все, кто прошел медосмотр, могут занимать место на закрытом пляже? – Дэнис посмотрел на физрука сверху вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.